

Капитальный ремонт

Книга Тома Пикетти «Капитал в XXI веке» взорвала мир. Business Week, The Financial Times, The Economist, The New York Times — все ведущие мировые издания откликнулись на ее выход серией публикаций. Нобелевские лауреаты в области экономики прокомментировали ее, а McKinsey признала бизнес-книгой года. Среди критиков отметились бывший глава Банка Англии Мервин Кинг и бывший министр финансов США Ларри Саммерс, а один из богатейших людей планеты Билл Гейтс лично позвонил автору, чтобы высказать свое мнение.

Леонид Крутаков

«Капитал в XXI веке» был издан в 2013 году на французском языке и остался никем не замеченным. В апреле прошлого года книгу перевели на английский, и она моментально возглавила список самых продаваемых книг на Amazon.com, а Тома Пикетти объездил с ее презентацией практически все университеты США. Встречи проходили при полном аншлаге, слушатели сидели в коридорах переполненных аудиторий с диктофонами в руках.

В итоге книгу признали самым ярким явлением за последние 50 лет и водоразделом в истории экономической мысли. Не заметили книгу почему-то только российские экономисты, хотя для России она значит гораздо больше, чем для США.

Во-первых, книга Пикетти стала своеобразной реинкарнацией «Капитала» Карла Маркса, идеи которого Россия долгое время пыталась реализовать на практике. А во-вторых, автор заново переосмыслил модель современного мира, в рамках которого Россия пытается сегодня найти свое место.

«Капитал в XXI веке» Тома Пикетти формирует новую глобальную повестку дня. Переворачивает с ног на голову (или наоборот) все современные представления о взаимоотношениях государства и рынка. Помещает в принципиально иной контекст доминирующие сегодня социально-политические концепты, а также общественные вызовы, которые этими концептами порождены и с их же помощью пытаются решаться.

Главный вывод Пикетти состоит в том, что доход на капитал (рента) в усло-

виях свободного (неограниченного политически) рынка всегда превышает рост экономики. Иначе говоря, пределом экономического роста в современной рыночной модели является не ограниченность ресурсов или производительных сил, а концентрация капитала.

Сегодня мир возвращается в систему наследуемой власти времен викторианской эпохи, если рассматривать эту систему с экономической точки зрения. В основу концентрации капитала заложен принцип родственных связей, который реорганизует политическую систему демократии в механизм иерархического отбора элиты.

Вывод Пикетти не стал новостью или открытием. Ранее точно к такому же выводу пришел в своем «Капитале» Карл Маркс. Открытием стал способ, с помощью которого Пикетти «переоткрыл» Маркса в XXI веке.

Он построил свое исследование не на философских концептах и ценностных установках, а на общепринятой в США и Великобритании экономической статистике и на общепризнанных в англо-саксонском научном мире методах анализа. Около 700 страниц формул и статистических рядов с последовательным описанием всего хода исследования. Именно это обстоятельство обеспечило книге феноменальный успех в США.

Самой сильной стороной книги является возможность легко (на уровне математики) перепроверить использованные автором данные и методы их обработки. В итоге можно сколько угодно спорить и не соглашаться с выводами Пикетти, но опровергнуть использованный им доказательный ряд (статистику и принципы научного анализа) невозможно. Подобная попытка равнозначна по-

пытке оспорить всю историю экономической мысли.

Книга Пикетти перевернула представление американцев о политике, которая в США никогда не мыслилась в рамках экономических категорий. Политэкономия как методология англо-саксонской научной мысли традиционно считалась маргинальным взглядом на историю, а ее сторонники автоматически записывались в коммунисты или фашисты.

Пикетти же выстроил исторически обусловленный процесс политического развития мира, используя стандартную экономическую модель, которая основана на длинных статистических рядах. В книге исследован период начиная с XVIII века и использована статистика по десяти развитым странам мира.

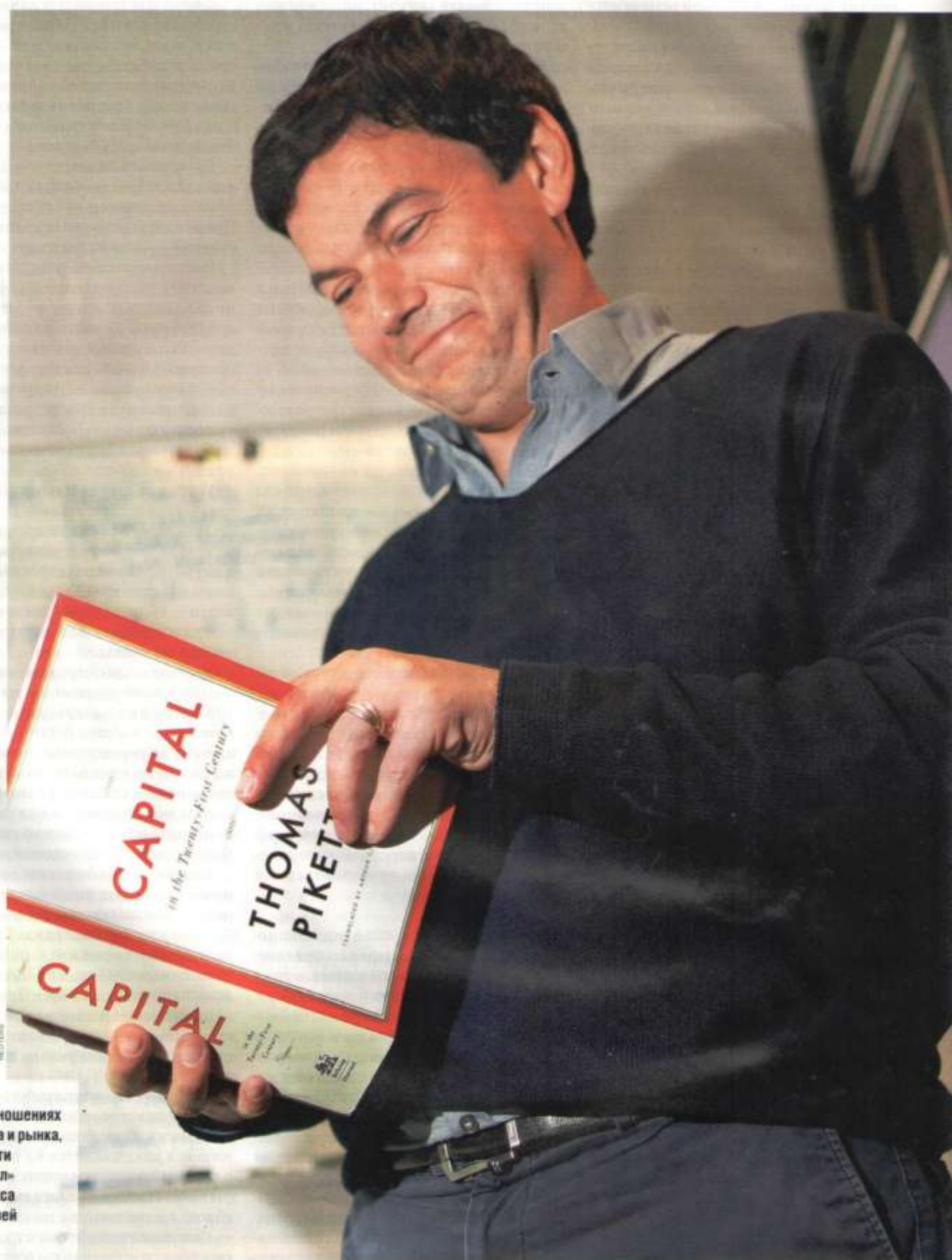
Он экстраполировал выводы из анализа экономики в политическую среду, доказывая, что внутри рыночной системы нет естественных сил и механизмов, которые противостоят концентрации богатства (в трактовке автора понятия капитала и богатства идентичны).

Пикетти доказывает, что все сегодняшние политические и экономические дисбалансы не вызваны страновыми рисками или некими сторонними силами (например, терроризмом), а являются прямым следствием существующей системы. Дефект изначально встроен внутрь механизма и заложен в принципах современной модели рыночной экономики.

Автор «Капитала в XXI веке» как бы возвращает нас в начало XX века, предлагая переосмыслить историю и сделать выводы из глобальных катаклизмов, мировых войн и революций, которыми этот век изобилует. Возвращает нас к невывученным урокам. ▶

Книгу признали водоразделом в истории экономической мысли

Рассуждая о взаимоотношениях государства и рынка, Тома Пикетти «переоткрыл» Карла Маркса для читателей XXI века

За основу своего исследования Пикетти взял проблему концентрации богатства, механизм которой основан на преобладании ренты над предпринимательским доходом, что в корне противоречит фундаментальным принципам демократии. Один из них — материальный успех должен быть закономерным (являться результатом конкретных усилий), а не случайным (даваться от рождения).

К примеру, систематизация данных по выплаченным за 30 лет (начиная с 1977 года) налогам в США показала, что 60% всех национальных доходов Америки было перераспределено в пользу всего 1% получателей. Асимметрия сильна и внутри этого процента: первая десятка по уровню дохода намного превосходит первую сотню.

Более крупный капитал растет быстрее менее крупного. За годы глобализации средний прирост капитала составлял около 4%. При этом очень крупный капитал рос на 6–7%, а более мелкий — на 2–3%. При этом отношение размера капитала к общему доходу остается неизменным уже на протяжении двух веков.

В основе механизма заложен принцип реинвестирования. А рост капитала по отношению к росту экономики и росту общих доходов обусловлен внутренним законом и носит самовоспроизводящийся характер.

Дело в том, что цена капитала определяется только через доход (процент), который он приносит. Если этот доход ниже предпринимательского, то капитал теряет всякий смысл, так как ведет к смене собственников богатства, к его перетеканию от инвестора к предпринимателю. И наоборот. Чем доход на капитал выше, тем больше остается у его владельца средств после удовлетворения различных потребностей и тем выше объем реинвестирования капитала.

Сложившееся в итоге неравенство в доходах невозможно объяснить разницей в интеллектуальных возможностях или в объемах выполняемой работы. А это рушит главный миф рынка о разумности и справедливости его механизмов, основанных якобы исключительно на таланте и работоспособности участников этого рынка.

В 1910 году концентрация богатства в двух ведущих странах Европы — Англии и Франции — достигла предельного уровня. В руках 10% населения было сосредоточено 80–90% национального богатства, а 1% контролировал 50–60% богатства.

Это соотношение сохранялось с XVIII века. Французская революция с ее всеобщим избирательным правом, граж-

данским кодексом и отменой сословных льгот и привилегий не отменила действия закона концентрации капитала. А потом стартовала эпоха войн и революций.

В 1914–1950 годах средний уровень доходности на капитал упал с 4–5% до 1–1,5%, следствием чего стал опережающий рост экономики по отношению к росту ренты. В этот период произошло перераспределение богатства в пользу так называемого среднего класса. В 50–70-е годы доля общего богатства под контролем 10% населения снизилась почти до 60%, а доля 1% населения упала в два раза, до 30%.

До Пикетти выравнивание доходов в 50–70-е годы XX века и формирование среднего класса экономисты трактовали как естественный, эволюционный процесс развития рыночных отношений. То есть первопричиной перераспределения богатства объявлялся опережающий рост экономики, а не сокращение ренты, дохода на капитал.

Исследования Пикетти показывают, что начиная с 1970 года рост капитала вновь опережает рост экономики. А XX век с его социальными моделями и возникновением среднего класса был лишь исторической паузой. Корректировкой основной рыночной модели, вызванной политическими потрясениями: двумя мировыми войнами, русской революцией и возникновением СССР.

Сегодня социальная структура общества вновь возвращается в викторианскую эпоху вместе с пропорцией разделения богатства. Идея невидимой руки рынка, которая сама собой регулирует неравенство и гармонизирует развитие общества, тонет в статистических выкладках Пикетти. Рыночное равновесие, согласно Пикетти, — иллюзия, которая сложилась на коротком историческом отрезке и была преодолена самой системой.

С 1970 по 2010 год в США доля национального дохода, перераспределяемого в пользу всего 1% населения, выросла с 9% до 20%, намного превысив уровень роста экономики. Значительно выросли также доходы и остальных 9% из общей десятки самых богатых. Для сравнения, рост дохода 90% оставшегося населения США составил менее 0,5%.

Произошел запредельный скачок покупательной способности 10% населения. Но одна десятая часть населения США не съест столько котлет и не изнасит столько штиблет, сколько это сделают оставшиеся 90%. Относительное падение общей покупательной способности преодолели с помощью кредита, что

лишь ускорило процесс концентрации капитала и увеличило дисбаланс.

Кредит в условиях, когда доход на капитал (процент) превышает рост экономики, ведет не к росту деловой активности, а к торжеству мотивации рантье. Единоразово созданный капитал воспроизводит себя быстрее, чем растет экономика. Прошлое в буквальном смысле начинает пожирать будущее.

Сегодня объем мирового фондового рынка составляет порядка \$700 трлн, а совокупный годовой продукт — \$70 трлн. Проще говоря, мир уже потратил все свои будущие доходы на десять лет вперед.

Несмотря на столь разительное неравенство в распределении доходов, разница в распределении богатства еще более глубокая. Сегодня в США во владении 10% населения находится более 70% национального богатства. А 50% населения, расположенного на другой половине социальной лестницы, распоряжаются всего 2% общего богатства. При этом концентрация происходит за счет сжатия доли среднего класса.

Усиление имущественного неравенства всегда ведет к резкому падению социальной мобильности общества. Иначе говоря, формирует жесткую внутреннюю иерархию (средневековая сословность и кастовость). Удачный брак становится чуть ли не единственной возможностью подняться на вершину иерархической лестницы.

В этом смысле опережающий (по отношению к росту экономики) рост доходов 10% населения и сокращение доли среднего класса в общем богатстве представляется как формирование нового обслуживающего крупный капитал общественного слоя под названием топ-менеджмент. В середине 80-х годов в США и Англии был существенно снижен конфискационный подоходный налог.

Концентрация богатства в руках ограниченного круга лиц создает еще один (помимо социального) глобальный риск. Сегодня в развитых странах Европы госдолг приближается к 90% ВВП (как в послевоенном 1945-м), а в США он превышает национальный ВВП. При этом 95% национального богатства в этих странах принадлежит частному капиталу, и оно сильно дифференцировано в пользу всего 1% населения.

Подобная структура собственности и долга создает мощнейшие политические риски. Когда богатство в руках частных, а долг числится на государстве, рано или поздно появляется мотив подрыва долговых обязательств. Мотив сброса долгов вместе с государством.

С экономической точки зрения таких способов списания долга всего два: либо

Единственным мирным выходом из создавшегося положения является введение глобального налога на богатство

война, либо революция. Что и происходило на протяжении всего XX века.

Глобализация и офшорная экономика позволили на время избежать военного сценария через скрытый механизм экспорта нищеты на периферию мирового хозяйства. Если выражаться более корректно, то через дефляционный механизм снижения издержек и рост производства за счет снижения зарплаты. Наблюдаемым для нас этот процесс стал в виде вывоза производства из США и Европы в Азию, прежде всего в Китай.

Экспорт нищеты отсрочил необходимость решения проблемы, которая встроена внутрь системы. И, как при любой отсрочке, проблема со временем лишь усугубилась. На внутривосточный конфликт, порожденный социальным дисбалансом общества, наложил международный конфликт. Страны периферии экономически выросли и стали буквально вываливаться из мировой финансовой системы, куда их силой пытаются вновь вернуть.

Теперь мы кроме социального кризиса получили еще и глобальный политический кризис. Мир вернулся к состоянию, в котором он находился в начале XX века. И мир либо зайдет на второй круг (Первая мировая, Великая Октябрьская, Вторая мировая), либо найдет внутрисистемное решение проблемы.

Кто виноват? И что делать? С первым вопросом, согласно Пикетти, все понятно. Существует системный изъян, вшитый в современную (инвестиционную) модель рынка. С выводом этим, основанным на общепризнанной статистике, практически никто из аналитиков и критиков «Капитала в XXI веке» не спорит. Оспаривать пытаются последствия, рассуждая о некоем общем росте уровня жизни в развитых странах, включая беднейшие слои населения.

Однако заслуга исследования Пикетти именно в том и состоит, что он выводит проблему за рамки национальной парадигмы на глобальный уровень, не замыкает ее на США, Европе, Китае или России. Он возвращает дискурс на более общие основы. Диалог на тему, как совместить богатство и свободу личности, нужен всем.

Будущее будет выглядеть как прошлое, если мир не примет политических решений, чтобы воздействовать на внутренний системный сбой капитализма. Если процесс оставить без изменений,

то к 2050 году одна тысячная населения Земли будет владеть 60% глобального богатства. А доля наследуемого (незаработанного) богатства достигнет 90%, уровня начала XX века.

Насколько современные политические системы и социальные институты способны адекватно реагировать на возникающие вызовы? Когда богатство сильно сконцентрировано, общество просто не в состоянии осознать не только его размеры, но и само существование богатства. Оно его не «видит» и начинает искать другие инструменты решения проблемы общей бедности. Следствием чего является запуск новых (альтернативных) механизмов накопления богатства (революция). В этом смысле Пикетти действительно возвращает нас к дискуссиям начала XX века.

С ответом на второй вопрос (что делать?), как всегда, возникают трудности. И трудности эти вызваны прежде всего тем, что вопрос связан с необходимостью перераспределения собственности. С самым кровавым процессом в истории человечества.

Пикетти приходит к выводу, что существует три выхода из сложившейся ситуации. Первый — введение глобального налога на богатство. Второй — инфляция. Третий — режим строгой экономии. Иначе — гиперинфляция и развал общего мирового хозяйства через политические катаклизмы.

Второй и третий сценарий уже задействованы. Программы количественного смягчения в США, Японии и ЕС являются не чем иным, как скрытой формой инфляции. А программа жесткой экономии является главным требованием МВФ к странам экономической периферии, как это было с Россией, а теперь происходит на Украине. Мало того, ЕЦБ недавно навязал эту программу Ирландии, а сегодня продавливает ее в отношении Греции.

Однако при накопленном совокупном мировом долге, а главное, при уровне долга стран «экономического центра» второй и третий сценарий уже не спасают ситуацию. Автор «Капитала в XXI веке» приходит к выводу, что единственным мирным выходом из создавшегося положения является введение глобального налога на богатство. Цель — создать преимущество предпринимательского дохода над доходом на капитал и вновь запустить рост экономики, как это происходило в середине XX века. Именно

этот вывод является предметом наиболее серьезной критики Пикетти.

Основным аргументом критики является утверждение, что вывод носит политический, а не экономический характер. Хотя почему у вывода должен быть иной характер, если около 700 страниц текста посвящено тому, что в условиях свободного рынка (неограниченного политически) рента всегда превышает рост экономики?

Например, бывший министр финансов США Ларри Саммерс в качестве альтернативы называет совершенствование налоговой системы, антимонопольного законодательства и системы коллективных договоров. А Билл Гейтс предлагает вместо налога на богатство ввести налог на сверхпотребление.

Ни то ни другое предложение не устраняют дефекта системы, который в своей книге обозначил Тома Пикетти. По его мнению, налог на богатство должен быть небольшим, максимум 2–3%. Но введение такого налога требует недостижимого сегодня уровня международного сотрудничества и политической интеграции (унификация правовых и налоговых режимов), что сделает общее богатство «видимым» для всего мира.

В противном случае капитал всегда будет использовать офшорные зоны и международную налоговую конкуренцию, чтобы прятаться от общества. При этом Пикетти противопоставляет капитализм и демократию как форму осуществления политического контроля над общим богатством со стороны общества.

Если следовать логике Пикетти, то современный проект интеграции на основе экономического (глобализация) без политического контроля ведет не к объединению, а к поглощению слабых (менее капитализированных) сильными. Он противоречит главному демократическому принципу: национальная стратегия развития (будущее общества) определяется самим обществом через выборы и создание национальной администрации.

Главная заслуга Пикетти состоит в том, что он смог рационализировать ценностные императивы. Сформулировал политические и социальные проблемы на языке современной экономики. Фактически он создал инструментальный для ответа на клерикальные и этнонациональные модели, которые возникают и начинают преобладать сегодня в качестве альтернативы базовому изъяну проекта под названием «глобализация». ■